Право на защиту по версии КГБ 7

ИРИНА ХАЛИП, «НОВАЯ ГАЗЕТА» | 14.02.2012, 15:25

За все время домашнего ареста меня не вызвали на допрос ни разу.

Я вообще как-то забыла, что где-то там, в КГБ, идет какое-то следствие по делу о массовых беспорядках. И что, согласно официальному обвинению, мы организовали поджоги и погромы. Возможно, потому никто и не задавал мне никаких вопросов. Уж слишком абсурдно все это выглядело.

Следователя КГБ Лавренчука я увидела лишь в конце февраля - он привез официальное уведомление о продлении срока домашнего ареста до 20 мая.

- А что так долго? Вы там что, следствие ведете? И до чего, интересно, довели?

- Да я вообще тут ничего не решаю! - обиженно сказал следователь Лавренчук. - Мне самому неохота в Минске сидеть. Домой хочу, в Гродно, к семье. Там уж у нас если

следствие - так следователь может делать все, что считает нужным. А тут сиди и тупо жди приказа!

Видно, специально присланному в большую следственную группу гродненцу было не с кем поговорить, и Лавренчук начал жаловаться на жизнь: чем все занимаются - непонятно, наверняка какие-нибудь экспертизы проводят, а время идет.

- Какие еще экспертизы?

- Ну мало ли, может, алкоголик или наркоман кто-нибудь из вас, и сейчас это выясняют, а может, запросы куда-нибудь делают, а им не отвечают…

Как выяснилось позже - запросы действительно существовали. Из серии «оплатите, пожалуйста, наше такси». Например, в немецкую прокуратуру - с просьбой дать возможность допросить представителей фонда Маршалла на предмет финансирования массовых беспорядков. Само собой, никаких ответов гэбисты не дождались. Интересно, нас всех столько времени держали будто бы «под следствием» лишь потому, что надеялись за казенный счет в Европу смотаться?

Жизнь следователя КГБ тяжела и неблагодарна, внушал мне Лавренчук. Потому что все время приходится иметь дело с врагами: «Вот вел я однажды в Гродно следствие. Врач наш местный взятки брал с пациентов - в валюте, само собой, - и открыл счет в польском банке, куда все эти взятки складывал. Мы все знали и послали запрос полякам. А они отвечают: не лезьте вы не в свое дело, банковские счета наших клиентов вас вообще не касаются. Ну и как работать в таких условиях?!» Мой адвокат Анна Бахтина, потрясающий человек и профессионал, уверяла меня: «Это тебе кажется, что никакого следствия нет и тебя просто маринуют. Потом, когда будем материалы дела читать, ты удивишься, сколько всяких показаний против тебя дадут твои же знакомые».

У Анны опыт колоссальный. Она появилась в моей жизни, когда травля адвокатов, защищающих «декабристов», уже началась. Моим первым адвокатом был Владимир Толстик - именно он присутствовал на двух «дежурных» допросах. Апотом, еще в тюрьме, меня отконвоировали к какому-то большому начальнику, который сказал:

- В общем, так, Ирина Владимировна. От адвоката Толстика вам придется отказаться.

- Что вдруг? - сорвалось любимое бабушкино выражение.

- У нас есть информация, что адвокат Толстик получил американскую green card и собирается уезжать.

- Ну и что?

- А то, что в Штатах подписка о неразглашении материалов следствия, которую он дал, уже ничего не значит. И мы не можем допустить, чтобы он уехал с информацией о вашем деле. Ничего личного, как говорится. Ваши родители могут нанять любого другого адвоката, никто ни на кого давить не собирается. Но Толстик с вами работать не будет.

- А если я не откажусь от Толстика?

- Тогда все будет еще проще: один звонок в министерство юстиции - и у него нет лицензии. И это будет уже на вашей совести. Зачем оставлять человека без работы, без дохода? А если вы сами от него откажетесь - он сохранит лицензию и сможет спокойно зарабатывать, пока не уедет. Нас Толстик, поверьте, не интересует, мы только хотим, чтобы информация не уходила за границу.

О, как они опасались утечки информации - плавали, знаем. Павла Сапелко, адвоката моего мужа, лишили лицензии прямо во время следствия за то, что съездил в Берлин. Не иначе как секретную информацию вывозил. Потом лишили лицензии адвоката Олега Агеева, который защищал Алеся Михалевича - того самого кандидата в президенты, который подписал согласие сотрудничать с КГБ и с этим условием вышел, а спустя несколько дней провел пресс-конференцию и рассказал о вербовке и о пытках в СИЗО КГБ. КГБ не понравились поездки адвоката в Вильнюс. А дальше - думаю, по поводу схемы тот большой гэбэшный чин не врал: достаточно одного звонка.

Я написала заявление об отказе от услуг адвоката Толстика. Мое заявление было подшито к делу, но Владимира все равно лишили лицензии. 16 февраля, ровно через три недели после того, как я написала заявление. Лишили с формулировкой «за отказ в юридической помощи Халип И.В.».

Масштабов кагэбэшной подлости я не учла. Как, впрочем, и кагэбэшной глупости, - лишением лицензии ему сделали отличный старт в США. Толстик уехал уже не просто как счастливый обладатель green card, а въехал в Америку репрессированным. Еще в Беларуси он пытался через суд восстановить собственную лицензию. Мой папа, который, собственно, и заключал договор с ним, выступал в суде в качестве свидетеля и объяснял, что я лично отказалась от услуг Толстика, о чем сделала письменное заявление. Бесполезно.

Родители сбились с ног в поисках другого адвоката. Услышав фамилию и дело, все хватались за голову, начинали усиленно шуршать бумагами и говорить, что рады бы, но такая занятость, столько дел, вообще ни секунды свободной. Еще одного адвоката - Тамару Гораеву - удалось уговорить. Но через день после подписания соглашения она позвонила моим родителям и заявила, что отказывается меня защищать. Через неделю ее тоже лишили лицензии. С той же формулировкой, что и у Толстика. Но это был тот случай, когда я не испытала и тени сочувствия.

Анне Бахтиной моя мама позвонила уже без всякой надежды. Но Анна с легкостью согласилась. Она влетела в квартиру, где я в то время уже сидела под охраной кагэбэшников (кроме близких родственников, к находящимся под домашним арестом имеет доступ только адвокат), с ходу их отчитала, требуя, чтобы они забились куда-нибудь в угол и носа не казали, потому что адвокат имеет право общаться с подзащитным наедине, без всяких соглядатаев. В тот день дежурила смена мудаков, которая почему-то безропотно подчинилась, а потом, когда Анна ушла, один из них сказал: «А адвокатесса у вас крутая. Она и наших, комитетских, защищала…»

Конечно, защищала. И политических, и гэбистов, и бандитов. И в каждом деле выкладывалась до конца. Кагэбэшники же вспоминали некоего их полковника, которого отправил за решетку тогдашний госсекретарь совбеза Виктор Шейман в порядке личной мести. Тому полковнику дали 12 лет. Бахтина не сдавалась и в конце концов добилась его оправдания уже в Верховном суде. Так что Анна была готова к настоящему бою.

Тот бой выиграть было невозможно, потому что он был нечестным. Приговоры нам всем были написаны в КГБ, а вовсе не выносились в судах. Анна была блистательна, и один из присутствовавших в зале суда европейских дипломатов в перерыве сказал ей: «Такого бы адвоката - да в нормальный суд…» После суда, впрочем, ее по инерции попытались изгнать из профессии: устроили внеочередную аттестацию, которую она не прошла. Но позже министерство юстиции отменило это решение, и

лицензию Бахтина сохранила. Очевидно, даже кагэбэшники поняли, что подписка о неразглашении тайны следствия действует ровно до окончания самого следствия, а уж после суда, когда многие оказались пусть лишь одной ногой на свободе, но по крайней мере могли рассказать обо всем, что происходило с ними в КГБ, убирать адвокатов стало бессмысленно. Не они становились главными носителями информации. А может, решили приберечь ценного специалиста, понимая, что рано или поздно им самим понадобятся хорошие адвокаты.

А в тот первый свой визит ко мне Анна Бахтина с порога заявила: «Никакого состава преступления тут нет! Будем биться. И, кстати, ознакомилась я с протоколами двух твоих допросов - это же какая-то ерунда. Тебе вообще не задали ни одного вопроса по существу. Это все фикция».

Конечно, фикция. Гэбисты прекрасно знали, что, рассматривая площадь через мониторы своих видеокамер, они видели куда больше, чем я. Меня требовалось просто посадить, как и остальных, а вовсе не разбираться в том, что происходило 19 декабря. Так что больше мне никаких вопросов и не задавали. В начале апреля меня увезли в КГБ, где предъявили окончательное обвинение и предоставили материалы дела для ознакомления.

Правда, обвинение изменилось. Теперь меня обвиняли не в организации массовых беспорядков (от 5 до 15 лет лишения свободы), а в организации групповых действий, грубо нарушающих общественный порядок (до трех лет лишения свободы). То есть с особо тяжкого переквалифицировали на менее тяжкое. Кстати, именно по этой статье сорок лет назад судили тех, кто вышел на Красную площадь в августе шестьдесят восьмого. К тому времени уже успели осудить Сашу Отрощенкова, пресс-секретаря моего мужа, - по статье «Участие в массовых беспорядках». Приговорили к четырем годам колонии усиленного режима. Да и Диме Бондаренко, другу и доверенному лицу мужа, тоже переквалифицировали обвинение на то же, что и у меня, но меру пресечения не изменили, хотя вроде как - менее тяжкое. То есть освобождать его никто не собирался. И не освободили - Диму приговорили к двум годам общего режима. Ему сделали операцию на позвоночнике. Сейчас он в колонии передвигается только с костылем. А комиссия по УДО отказала, потому что Бондаренко не встал на путь исправления. Вот если бы встал - первым делом отбросил бы костыль и зашагал строем, как все остальные. Да еще и с песней, зажав в руке зачитанную до дыр газету «Трудовой путь».

Ирина Халип, «Новая газета»